

ДИАПАЗОН ТАЛАНТА

НАШ ГОСТЬ — НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР СОЛИСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЕВГЕНИЙ РАЙКОВ.

Подростком пришел он на краснопресненский завод «Машиностроитель». И полюбил он рабочий коллектив. Увлеченно учился, отыскивая будущую профессию, специальностям столяра, электросварщика... Об этом записи в трудовой книжке с 1951 по 60-й год.

Увлёкся спортом: футбол, бокс, вольная борьба, плавание... Добивался высоких разрядов. И почти всерьез вознамерился поступить в институт физкультуры.

Но вышло по-другому. Потому что оказался у него талант, который заметили и работать над которым парня заставили.

Е. Т. РАЙКОВ: Пел в хоре в свободное время. Потом предложили записаться в оперный кружок... В погоне за делами, на мой тогдашний взгляд, более важными, случалось, пропускал репетиции. Постепенно это становилось все сложнее. Возвращаясь домой после таких «прогулов», опасливо оглядывал прихожую... Так оно и есть. На половнике аккуратно, пятка к пятке, носок к носку, стоят стариковские боты. Вот оно — возмездие! Пьет чай с моими родителями, тихонечко ведет беседу руководитель нашего кружка

Борис Порфирьевич Шибанов. Было ему тогда, первому моему учителю, лет уже за восемьдесят. Хороший в молодости оперный певец, он с удивительным для своих лет пылом занимался с самодельными коллективами, душу отдавал людям, на его взгляд, талантливым. Меня он считал своей находкой.

И все-таки в 59 году на экзаменах в консерватории я блистательно провалился. Вот здесь уже сыграл отработанный спортивным азартом характер: раз не получается — надо добиться! Год очень серьезно занимался пе-

нием. И легко уже поступил на вокальное отделение училища им. Гнесиных. А в 1961 году был принят в стажерскую группу Большого театра. Вскоре, еще студентом, стал солистом театра. И девятнадцать лет пою на его сцене. В моем репертуаре более 35 ведущих оперных партий. Гастролировал в шестидесяти четырех странах мира. Дипломант многих международных конкурсов.

КОРР.: И все-таки процесс становления солиста лучшего в стране оперного театра, наверное, не так быстротечен, как это сейчас у нас с вами выходит?

Е. Т. РАЙКОВ: Разумеется. Я знаю единственный синоним рекламному слову — звезда. Это работоспособность. Поэтому, характеризуя постоянных своих партнеров по сцене Елену Образцову и Александра Ворошило, я прежде всего с огромным уважением скажу:

удивительно трудолюбивые люди. Таланты щедрые — говорят зрители. И речь мы ведем об одном и том же.

Конечно же, пришлось и до сих пор приходится много учиться. Певцом меня сделала педагог Гнесинского училища К. А. Малькова. Школу бельканто я постигал в Милане у маэстро Барра, шлифовавшего искусство всемирно известных Дель Монако, Терезы Берганса, Раймонди. Постоянно направлял нашу работу художественный руководитель театра Б. А. Покровский. А разве общение певцов — не школа?

КОРР.: Евгений Тихонович, работа в опере предполагает еще и драматическое искусство. Несколько слов, пожалуйста, о любимой роли.

Е. Т. РАЙКОВ: Конечно же, Ноздрев в «Мертвых душах» Щедрина. Характер яростный, разгульный, лубочно броский. Нелегко он мне дался — зато и любим. Сумел понять я его благодаря огромному мастеру драматической сцены, народному артисту СССР Борису Ливанову. Лучшего, чем у него, Ноздрева встречать мне не приходилось.

А вообще играть люблю. С удовольствием снимаюсь

в кино, когда приглашают. Всего на моем счету пять фильмов, среди которых — «Легенда о Тиле Уленшпигеле», «И на Тихом океане...» Кстати, пел мой киногерой только один раз, и то басом. Геолога в «Русском сувенире» озвучивал другой певец.

КОРР.: Буквально перед нашей с вами встречей в редакцию позвонили рабочие судоремонтной верфи имени В. И. Ленина. Просили передать через газету благодарность вам за участие в концерте для них. Восхищены вашим талантом.

Е. Т. РАЙКОВ: Спасибо. Но радость от встречи была взаимной. Очень люблю выступать в рабочих коллективах, в школах.

Все-таки недостаточно мы умеем и стремимся пропагандировать классику. Встречаются еще и в нашей музыкальной среде приверженцы снобистской философии: массе — джаз, а классику оценить могут только знатоки, люди с утонченным вкусом. Но ведь формирование вкуса, «пропаганда посредством искусства» — на Ленина ссылаясь, — и есть главное дело нашей актерской жизни. А для этого больше и чаще надо идти в

рабочие коллективы, к детям. Ценить оценку зрителя и верить в нее.

Кстати, учусь сейчас, заочно, разумеется, на третьем курсе института культуры. Вот состарюсь для Ленского и, как мой первый учитель, буду работать с заводской молодежью, учить ее высокой радости жизни с искусством и в искусстве.

КОРР.: Традиционный вопрос — ваши ближайшие планы?

Е. Т. РАЙКОВ: 27 января во Дворце съездов пою Пинкертон в «Чио-чио-сан», через несколько дней — Шуйского в «Борисе Годунове», потом — гастроль в Париже.

КОРР.: Вы пели в крупнейших концертных залах мира. Где было «страшнее» всего?

Е. Т. РАЙКОВ: В Большом театре. Так было и, видимо, будет для меня всегда: нет ответственного выступления, чем на сцене лучшего в мире — родного нашего театра, перед самым требовательным зрителем — соотечественником.

Г. ТРЕУМОВА.

ДИАПАЗОН ТАЛАНТА

НАШ ГОСТЬ — НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР СОЛИСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЕВГЕНИЙ РАЙКОВ.

Подростком пришел он на краснопресненский завод «Машиностроитель». И полюбил он рабочий коллектив. Увлеченно учился, отыскивая будущую профессию, специальностям столяра, электросварщика... Об этом записи в трудовой книжке с 1951 по 60-й год.

Увлечен спортом: футбол, бокс, вольная борьба, плавание... Добивался высоких разрядов. И почти всерьез вознамерился поступить в институт физкультуры.

Но вышло по-другому. Потому что оказался у него талант, который заметили и работать над которым парня заставили.

Е. Т. РАЙКОВ: Пел в хоре в свободное время. Потом предложили записаться в оперный кружок... В погоне за делами, на мой тогдашний взгляд, более важными, случалось, пропускал репетиции. Постепенно это становилось все сложнее. Возвращаясь домой после таких «прогулов», опасливо оглядывал прихожую... Так оно и есть. На половичке аккуратно, пятка к пятке, носок к носку, стоят стариковские боты. Вот оно — возмездие! Пьет чай с моими родителями, тихонечко ведет беседу руководитель нашего кружка

Борис Порфирьевич Шибанов. Было ему тогда, первому моему учителю, лет уже за восемьдесят. Хороший в молодости оперный певец, он с удивительным для своих лет пылом занимался с самодельными коллективами, душу отдавал людям, на его взгляд, талантливым. Меня он считал своей находкой.

И все-таки в 59 году на экзаменах в консерватории я блистательно провалился. Вот здесь уже сыграл отработанный спортивным азартом характер: раз не получается — надо добиться! Год очень серьезно занимался пе-

нием. И легко уже поступил на вокальное отделение училища им. Гнесиных. А в 1961 году был принят в стажерскую группу Большого театра. Вскоре, еще студентом, стал солистом театра. И девятнадцать лет пою на его сцене. В моем репертуаре более 35 ведущих оперных партий. Гастролировал в шестидесяти четырех странах мира. Дипломант многих международных конкурсов.

КОРР.: И все-таки процесс становления солиста лучшего в стране оперного театра, наверное, не так быстротечен, как это сейчас у нас с вами выходит?

Е. Т. РАЙКОВ: Разумеется. Я знаю единственный синоним рекламному слову — звезда. Это работоспособность. Поэтому, характеризуя постоянных своих партнеров по сцене Елену Образцову и Александра Ворошило, я прежде всего с огромным уважением скажу:

удивительно трудолюбивые люди. Таланты щедрые — говорят зрители. И речь мы ведем об одном и том же.

Конечно же, пришлось и до сих пор приходится много учиться. Певцом меня сделала педагог Гнесинского училища К. А. Малькова. Школу бельканто я постигал в Милане у маэстро Барра, шлифованного искусство всемирно известных Дель Монако, Терезы Берганса, Раймонди. Постоянно направляет нашу работу художественный руководитель театра Б. А. Покровский. А развешение певцов — не школах?

КОРР.: Евгений Тихонович, работа в опере предполагает еще и драматическое искусство. Несколько слов, пожалуйста, о любимой роли.

Е. Т. РАЙКОВ: Конечно же, Ноздрев в «Мертвых душах» Шедрина. Характер яростный, разгульный, лубочно броский. Нелегко он мне дался — зато и любим. Сумел понять я его благодаря огромному мастеру драматической сцены, народному артисту СССР Борису Ливанову. Лучшего, чем у него, Ноздрева встречать мне не приходилось.

А вообще играть люблю. С удовольствием снимаюсь

в кино, когда приглашают. Всего на моем счету пять фильмов, среди которых — «Легенда о Тиле Уленшпигеле», «И на Тихом океане...» Кстати, пел мой киногорой только один раз, и то басом. Геолога в «Русском сувенире» озвучивал другой певец.

КОРР.: Буквально перед нашей с вами встречей в редакцию позвонили рабочие судоремонтной верфи имени В. И. Ленина. Просили передать через газету благодарность вам за участие в концерте для них. Восхищены вашим талантом.

Е. Т. РАЙКОВ: Спасибо. Но радость от встречи была взаимной. Очень люблю выступать в рабочих коллективах, в школах.

Все-таки недостаточно мы умеем и стремимся пропагандировать классику. Встречаются еще и в нашей музыкальной среде приверженцы снобистской философии: массе — джаз, а классику оценить могут только знатоки, люди с утонченным вкусом. Но ведь формирование вкуса, «пропаганда посредством искусства» — на Ленина ссылаясь, — и есть главное дело нашей актерской жизни. А для этого больше и чаще надо идти в

рабочие коллективы, к детям. Ценить оценку зрителя и верить в нее.

Кстати, учусь сейчас, заочно, разумеется, на третьем курсе института культуры. Вот состарюсь для Ленского и, как мой первый учитель, буду работать с заводской молодежью, учить ее высокой радости жизни с искусством и в искусстве.

КОРР.: Традиционный вопрос — ваши ближайшие планы?

Е. Т. РАЙКОВ: 27 января во Дворце съездов пою Пийкертон в «Чио-чио-сан», через несколько дней — Шуйского в «Борисе Годунове», потом — гастролы в Париже.

КОРР.: Вы пели в крупнейших концертных залах мира. Где было «страшнее» всего?

Е. Т. РАЙКОВ: В Большом театре. Так было и, видимо, будет для меня всегда: нет ответственного выступления, чем на сцене лучшего в мире — родного нашего театра, перед самым требовательным зрителем — соотечественником.

Г. ТРЕУМОВА.